

действительности имеет в себе очевидные черты дисномии (dis – плохой, potos – закон). Описываются такие достижения екатерининского «Наказа», которых не существовало в действительности, но которые ранее были заявлены императрицей как государственная цель.

1. Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетейя, 2005. 496 с.

2. Сахаров В. И. Массонство, литература и эзотерическая традиция в век Просвещения (вместо введения) // Массонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. / под ред. д-ра филол. наук В. И. Сахарова. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 3–29; Омелько Л. В. Массонские идеи в прозе В. А. Левшина 1780-х // Массонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. / под ред. д-ра филол. наук В. И. Сахарова. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 53 – 65.

3. Baehr S.L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. California: Stanford University Press, 1991. 308 p.

4. Шкловский В. Б. Чулков и Левшин. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. 264 с.

5. Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. Т. 1. Вып. 1 (XVIII-й век). СПб.: Тип. СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1909. 717 с.

6. Геллер Л., Нике М. Утопия в России. СПб.: Гиперион, 2003. 312 с.

7. Левшин В. А. Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве // Собеседник любителей русского сло-

ва, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых Российских писателей. Ч. XIII–XVI. СПб.: Императорская Академия Наук, 1784.

8. Сахаров В. Царство Астреи. Миф о Золотом веке в русской массонской литературе XVIII столетия См.: архив Всеволода Сахарова <http://archvs.org/Astrea.htm> См. также: Соколовская Т. Массонские системы // Массонство в его прошлом и настоящем: в 2 т / под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. М.: Изд. «Задруги» и К. Ф. Некрасова, 1915. Т. II.

9. Щербатов М. М. Неизданные сочинения. М.: Соц ЭКГИЗ. 1935. 215 с.

10. Щербатов М. М. Размышления о смертной казни // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при московском университете. Январь – Март. Кн. 1. М.: Унив. тип., 1860. С. 57–72.

11. Путешествие Уильямса Кокса // Русская старина. Т. XIX. Кн. V. 1877. С. 23–52.

12. Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта Нового Уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук 1907. 334 с.

13. Ступин М. История телесных наказаний в России от судебных до настоящего времени. Владикавказ: Тип. Терского Областного Правления, 1887. 146 с.

14. Полное собрание законов Российской империи. Т. XX. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1000 с.

© Ростовцева Ю. А., 2017

УДК 82-343.5

С. М. Шумило
S. M. Shumilo

БОГОСЛУЖЕБНЫЕ ТЕКСТЫ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИСТОЧНИК ЖИТИЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

Сказание и Чтение о Борисе и Глебе, как и многие другие агиографические произведения древности, имеют в качестве литературного источника несколько богослужебных книг: Ирмологий, Триодь и Требник (текст Отпевания). Использование заимствований из этих книг может рассматриваться как некий древний литературный прием, похожий на приемы аллюзии и реминисценции в современной литературе. Богослужебные заимствования, часто встречающиеся в Житиях Бориса и Глеба, создают аллюзию на Страсти Христовы, и этот подтекст позволяет авторам проводить параллели между Святополком и Иудой, а также между святыми братьями и Христом. Заимствования из богослужебных текстов помогают агиографам создавать определенный подтекст их сочинений и наделяют житийные произведения особенной выразительностью.

Ключевые слова: Жития Бориса и Глеба, заимствование, богослужебная литература, литературный источник.

LITURGICAL TEXTS AS A LITERARY SOURCE OF LIVING LITERATURE ABOUT BORIS AND GLEB

Legend and Reading about Boris and Gleb, like many other hagiographic works of antiquity, have as a literary source several liturgical books: Irmology, Triod and Trebnik (the text of the funeral service). The use of borrowings from these books can be regarded as some ancient literary device, similar to the methods of allusion and reminiscence in contemporary literature. The liturgical borrowings, often found in the Lives of Boris and Gleb, create an allusion to the Passion of the Christ, and this subtext allows authors to draw parallels between Svyatopolk and Judas, as well as between holy brothers and Christ. Borrowings from liturgical texts help hagiographers create a certain subtext of their works and endow the living works with special expressiveness.

Keywords: Lives of Boris and Gleb, borrowing, liturgical literature, literary source.

Актуальность исследования православного богослужения с точки зрения его влияния на литературную традицию Древней Руси заключается в практически абсолютной неизученности богослужебных произведений как важного литературного источника средневековой агиографии и других жанров. В свое время статья Ф. Вигзелл [1], доказавшей, что, цитируя Библию, Епифаний Премудрый пользуется не какой-либо конкретной Библией, а исключительно теми ее отрывками, которые звучат во время богослужения, стала своеобразным прорывом в представлениях о характере средневекового цитирования. Но и Библия, и Псалтирь как литературные источники средневековых произведений изучены довольно глубоко, чего нельзя сказать о богослужебных произведениях. Аллюзии и реминисценции на богослужебные тексты, как и дословное их цитирование, не учитываются при публикации средневековых житий и проповедей, в отличие от цитирования библейских текстов. Это обедняет восприятие как древних произведений, так и средневековой картины мира в целом.

Для средневекового писателя литературой, которая читается наиболее часто, являются именно молитвенные тексты. Звучание храмовой или келейной молитвы – это, образно говоря, та атмосфера, в которой рождаются средневековые произведения, отсюда, из богослужебных текстов, книжник черпает художественные приемы, синтаксические конструкции, лексику и фразеологию.

Говоря о цитировании, мы должны понимать условность термина «цитата» применительно к древней литературе. Древний книжник не цитирует какие-либо тексты в прямом смысле слова, за редким исключением специальных указаний автора, а использует чужой текст как часть своего – отчасти приводит его дословно, отчасти вольно пересказывает, может заменять те или иные слова в нем, расширять его вводом какой-то своей амплификации. Это некий литературный прием, который обусловлен особенностями средневекового эстетического восприятия и мировоззрения и которой слишком давно ушел в прошлое литературы, чтобы мы могли обозначить его каким-то современным литературоведческим термином. Попробуем понять его эстетику и рассмотреть его на конкретном примере Борисо-Глебских агиографических текстов.

Занимаясь темой цитирования, мы заметили такую закономерность: из всех богослужебных книг древнерусские книжники чаще всего выбирают в качестве источника цитат три книги: Ирмологий, Триодь (в частности, тексты первой и последней недель Великого поста и Пасхи) и Требник, а именно службы Отпевания или Панихиды.

Ирмологий, очевидно, становится источником заимствований чаще всего по причине легкости запоминания ирмосов. Ирмологий является собранием тех коротких гимнов, употребление которых в тексте было связано для средневекового автора и читателя с некоторыми архетипическими ассоциациями.

Второй наиболее часто цитируемой книгой мы обозначили Триодь, а конкретнее – тексты первой недели Поста и Страстной Седмицы. Действительно, триодные богослужения очень отличаются и по содержательности, и по эстетическому оформлению от, скажем, Октоиха или Миней: Триодь намного глубже, поэтичнее и эмоциональнее, кроме того, именно в Триоде мы можем найти указания на нарушения

привычного круга дневных богослужений. Это делало Триодь одной из наиболее любимых богослужебных книг для авторов и читателей средневековой литературы. Кроме того, именно в богослужениях Страстной седмицы сосредоточено богословие Пасхи: все они рассказывают о величайшем сострадании Бога к людям и призваны вызывать ответное сострадание людей к Христу. Переживание событий Страстной седмицы, которое возможно именно благодаря системе страстных богослужений, – это своеобразный психологический и духовный центр православного мировосприятия, и, думается, именно поэтому тексты Страстных песнопений стали одним из излюбленных литературных источников у древнерусских авторов.

Третьим источником мы назвали Требник, вернее, заупокойные богослужения, помещенные в нем. Отпевание и панихида, с одной стороны, ассоциативно, текстологически и музыкально связаны с богослужением Страстной седмицы, потому популярность этого источника может быть истолкована с той же позиции, что и популярность Триоди. С другой стороны, символическая связь смерти любого человека с событиями распятия и воскресения особенно ярко должна была прослеживаться в произведениях, описывающих смерть праведника, который действительно уподобился Христу, а значит, унаследует и воскресение в жизнь вечную. Тексты отпевания и панихиды были тем единственным и часто повторяющимся словесным оформлением, а их распевы – музыкальным оформлением, которыми всегда сопровождалась смерть человека, потому и описание смерти по ассоциации связывалось с цитатами из панихиды и отпевания. Иными словами событие смерти воспринималось через призму заупокойных молитв, а они, в свою очередь, – через символическую связь со Страстной седмицей. Таким образом, талантливый книжник передавал читателям не только рассказ о смерти праведника, но и целый комплекс духовных переживаний и богослужебных ассоциаций-воспоминаний, призванных сформировать определенное отношение к описанному праведнику.

Итак, литературными источниками многих древних произведений чаще всего являются три названные нами книги: Ирмологий, Триодь и Требник. Цитирование богослужебных текстов, помещенных в них, связано с особенностями древнерусского христианского мировосприятия различных событий через призму богослужебного годового круга. Не менее тесным образом цитирование богослужений сопрягается с проблемой уподобления, актуальной для средневековой литературы. Уподобление Христу или святым – один из самых распространенных приемов средневековой литературы. Он достаточно подробно рассмотрен в работах О. В. Панченко и Т. Р. Руди [2; 3]. Уподобление святому проводится не только на уровне ассоциативном, невербальном, но и на текстуальном, вербальном, если пользоваться терминологией О. В. Панченко. Проводится оно и на уровне заимствований: богослужебные тексты, цитируемые в разных житийных произведениях, также подчеркивают цепочку уподоблений: от святого – в службе отпевания, от нее – к службе Страстной седмицы, т. е. к Христу.

Рассмотрим примеры цитирования и заимствования в житиях Бориса и Глеба. Начнем со Сказания.

Традиционный мотив в агиографической литературе, связанный с заимствованиями из триоди, – смерть одного из

героев. В Сказании описывается три смерти: Владимира, Бориса и Глеба, все они описаны с использованием тех или иных элементов страстного богослужения, а также связанного с темой страдания и тайной вечера третьего часа. Сравним.

Съказание, и страсть, и похвала святоую мученикоу Бориса и Глѣба [4, с. 286–312]	Богослужбные, евангельские тексты
1. Увѣы мнѣ, свѣте очию моею, сиание и заре лица моего... Увѣы мнѣ, отъче и господине мой, к комоу привегноу... Увѣы мнѣ, оувѣы мнѣ, како занде свѣте мой ... како провоненъ еси? [4, с. 290]	Увѣы мнѣ, оувѣы мнѣ, сладчашии Иисоусѣ! ... [6, л. 58 б.]. Како погревоу Тѣа, Боже мой? ... [6, л. 58 б.]
2. Къде боиухъ житиѣ и слава мира сего, и багряница, и бриачины, сребро и золото... [4, с. 290]	Гдѣ есть мирскоепристрастїе; гдѣ есть привременныхъ мечтанїе: гдѣ есть золото и сребро... [7, л. 168 б.]
3. Да аще бы ми врагъ поносилъ, претерпѣлъ оубо быхъ, аще бы ненавида мене вельречеваалъ, оукрылъ быхъ сѣа... [4, с. 296]	Да аще бы врагъ поносилъ ми, претръпѣлъ бымъ оубо, и аще бы ненавида ми на мѣ велерѣчевалъ, оукрылъ бымъ сѣа отъ него [8, л. 88–88 б.]
4. Братие, пристуопивше, скончаниѣ слоужбоу вашоу... [4, с. 296]	Глагола емоу Иисоусѣ еже твориши, сотвори скоро [Ин. 13:27]
5. Тоу абие вѣниде в сьрдыце его сотона... [4, с. 298]	И по хлѣбе тогда вниде вонь сатана... [Ин. 13:27–28]
6. Увѣы мнѣ, оувѣы мнѣ! Слыши, небо, и вѣноуши, земле! [4, с. 302]	Вонми, небо, и възглаголю и да слышитъ земля глаголы оустъ моихъ... [9, л. 9]
7. То оуже, сътворивъше, пристуопаше, сътворите, на не же послани есте! [4, с. 302]	Глагола емоу Иисоусѣ еже твориши, сотвори скоро [Ин. 13:27–28]
8. Вама бо дана бысть благодать да молита за ны [4, с. 310]	Тебѣ бо дадеся благодать молитисѣа за ны [8, л. 140–140 б.]

Восклицание «Увѣы мнѣ!», как и возглас «Како провоненъ еси?», на наш взгляд, является аллюзией к одной из центральных страстных стихир «Тебѣ, одеющагосѣа свѣтомъ, яко ризю...». Стихира исполняется в Страстную Пятницу – самый скорбный день в богослужбном году. Древние нотные рукописи фиксируют постановку певческого знака *фиты* на фразе «Увѣы мнѣ!» (см., например, руко-

пись РГБ, собр. ТСП, Ф. 304. I. № 447, л. 258 б.). В этой рукописи на указанную фразу приходится даже два знака фиты, причем автор напева этой стихир в данном рукописи предлагает всего две фиты для нее – именно на фразе, которая нас интересует. Такая расстановка певческих знаков делает это восклицание выражением крайней печали, наиболее ярким в стихире и хорошо запоминающимся. Практически во всех древнерусских описаниях смерти встречаются рядом две фразы «Увѣы мнѣ!» и «Како Тѣа (погревоу, вослою, обвию...)?» как выражение печали от потери кого-либо. Так, именно с помощью них описывает снятие тела Христова с Креста Кирилл Туровский, их использует Григорий Цамблак, оплакивая митрополита Киприана и т. д. Вне этого контекста указанное совпадение можно расценить как случайное, но в контексте общего уподобления святых братьев Христу оно прочитывается как аллюзия на страстную стихир. Кроме того, тот же отрывок перекликается с икосом канона, читаемого на повечерии Страстной Пятницы: плач Бориса по отцу уподоблен плачу Богородицы над Христом. Страстная тема в Сказании, таким образом, начинается еще со смерти Владимира и незаметно переходит на тему мученичества святых братьев.

Размышляя о судьбе всех живых (отрывок 2), Борис словами из чина отпевания как бы заранее отпевает себя: автор делает акцент на мотивах предчувствия смерти и невинной жертвы, которые уже введены при помощи указанных заимствований.

Цитаты 3, 4, 5, 7 – это аллюзии на страстные Евангелия или тему страстей Христовых. Отрывок 3 – это стих из Псалтири, который читается на 6-м часе и посвящен теме измены ближнему. На часах подразумевается предательство Христа Иудой, а в Сказании, соответственно, Бориса – Святополком. Тема Тайной вечера и Распятия вводится этой небольшой цитатой и затем поддерживается рядом других аллюзий. Отрывки 4 и 7 проводят тему уподобления Святополка Иуде, поскольку являются реминисценцией к евангельским словам, обращенным к Иуде. Отрывок 5 еще больше подчеркивает эту связь, снова обращая читателя к словам Евангелия, буквально до следующего его стихотворения, повествующего об Иуде. Характерно, что автор Сказания, обращаясь к Новому Завету, чаще всего цитирует Евангелие от Иоанна – именно то, которое читается первым на утрени Страстной Пятницы.

Отрывок 6 – цитата из Второзакония и одновременно – из ирмоса второй песни канона, которая исполняется только в Великий Пост, на первой неделе, поскольку является наиболее печальной песней – песней гнева Божьего на глухоту человеческих сердец. Она вводит в богослужбный круг тему грусти и страха Божьего. В тексте Сказания это заимствование подчеркивает абсолютную черствость сердца Святополка и отчаяние святых братьев, которые пытались смягчить его своим смирением.

Отрывок 8. Автор обращается к святым братьям словами, заимствованными из одной молитвы Великого повечерия. Великое повечерие – достаточно редкая служба в богослужбном круге, она исполняется в дни первой недели Великого Поста и перед некоторыми большими праздниками, такими как Рождество и Крещение. Заимствования из этой службы очередной раз подчеркивают тему уподобления Христу и напоминают читателю о днях Великого Поста.

Рассмотрим другое произведение исследуемого цикла – Чтение о Борисе и Глебе, автором которого называют Нестора Летописца.

Чтение о житии и о погублении Блаженуюю страсготерпцю Бориса и Глѣба [5, с. 356–399]	Богослужбные тексты
1. И держимъна свободи доуша, и глагола имъ: «Идѣта в Рай». Они же, радующеся, идоша, хвалаще Бога [5, с. 358]	Бесмысленное Твое милосръдїе, иже адовыми оузами съдержими зряще, к свѣтоу идиахоу Христе, веселыми ногами, Пасхоу хвалащевѣчноую [6, л. 102]
2. Ты и нынѣ покои доушо раба Твоего, отца моего Василиа, со всеми праведными, съ Авраамомъ, Исакомъ, Ийковомъ, яко Ты еси покои, воскресение оуповающим на Тя, и Тебе славою всылаемъ въ вѣкъ [5, с. 368]	...яко Ты еси воскресенїе и животъ, и покои оупошаго раба Твоего... [7, л. 168]
3. Нѣ оуне есть мнѣ одному оумрети, нежели толикоу доушь... [5, с. 370]. Унаше бо святыи единъ за вса оумрети... [5, с. 374]	Уне есть намъ, да единъ человекъ оумретъ за люди, а не весь языкъ погибнетъ [Ин. 11:49]

Чтение имеет большое вступление, составленное из общих размышлений о судьбе мира и Евангельской истории.

Тема сошествия в ад и изведения из него праведников, показанная в отрывке 1 – это мотив Великой Субботы (в этот день вспоминается сошествие Христа в ад) и реминисценция к пасхальному канону. Можно рассматривать отрывок и как реминисценцию к апокрифу о сошествии во ад Иоанна Крестителя, но известно, что и апокриф, и служба Великой Субботы, и, частично, служба Пасхи имеют общий литературный источник – апокрифическое Евангелие от Никодима. Осмелимся предположить, что из всех перечисленных текстов больше всего на слуху у автора и читателя именно богослужебный, а особенно – канон Пасхи, который многократно повторяется в триодном цикле служб. Без сомнения, благочестивый писатель и читатель средневековья знал этот канон наизусть и легко улавливал реминисценции к нему.

Отрывок 2 – цитата из чина Панихиды, которая встречается и в других заупокойных молитвах и призвана подчеркнуть тему скорби и смерти.

Отрывок 3 предлагает видоизмененную цитату из страстного Евангелия от Иоанна, в котором говорится о смерти Христа.

Итак, главная тема, которой подчинена мозаика заимствований и реминисценций в Борисоглебском агиографическом цикле, – уподобление святых мучеников Бориса и Глеба Христу, а Святополка – Иуде. Знаменательно, что в тексте Святополк также многократно сравнивается с Каином. Таким образом, автор выстраивает две цепочки уподоблений, достаточно традиционных для христианской экзегетики. Первая цепочка: Авель – Христос – современный автору святой. Вторая цепочка: Каин – Иуда – современный автору предатель или убийца. Заимствования из Триоди обращают внимание читателя не только на Страстную седмицу, но и на другие дни Великого поста, что усиливает идею сострадания и покаяния в тексте.

Проблема уподобления сама по себе также может рассматриваться в контексте согласования житийных текстов с богослужбными, поскольку православное богослужение построено именно на принципе уподобления. Все богослужбные тексты имеют между собой определенное сходство, иногда явное, иногда едва уловимое. Тонкость эстетического восприятия позволила древнему человеку, творцу божественных служб, создать несколько уровней подобия в богослужбных песнопениях.

Принцип уподобления действует и в агиографических текстах, в нашем случае – в Сказании и Чтении о Борисе и Глебе. Цитаты и заимствования наследуют богослужебный принцип подобия, и святость мучеников, таким образом, воспринимается в контексте всепроникающего символического уподобления святых – Богу.

1. Вигзелл Ф. Цитаты из книг священного писания и сочинения Епифания Премудрого // Труды отдела древнерусской литературы. Л. : Наука, 1971. Т. 26. С. 232–243.

2. Панченко О. В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в агиографии, эпидейктике и гимнографии) // Труды отдела древнерусской литературы. СПб. : Наука, 2003. Т. 54. С. 491–534.

3. Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2005. Вып. 1. С. 59–101.

4. Сказание и страсть и похвала мученикам святым Борису и Глебу // Святые князья-мученики Борис и Глеб: исследование и тексты / исслед. и подгот. текстов Н. И. Милютенко. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2006. С. 287–318.

5. Чтение о житии и погублении блаженных страсготерпцев Бориса и Глеба // Святые князья-мученики Борис и Глеб: исследование и тексты / исслед. и подгот. текстов Н. И. Милютенко. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2006. С. 357–403.

6. Триодъ цветная, рукопись: РГБ, собр. ТСП. Ф. 304. I, № 399.

7. Требник. Киев, 1658: РГБ, Музей книги, Ф. IV: Старопечатные издания, № 397.

8. Часослов. Киев, 1617: РГБ, Музей книги, Ф. IV: Старопечатные издания, № 71.

9. Ирмологий, 1657: РГБ, Музей книги, Ф. V: Старопечатные издания, № 363.

© Шумило С. М., 2017